

Килограмм конфет

Жаклин де Гё

В тот день по радио с самого утра то поздравляли со второй годовщиной Победы, то играли марши. Ближе к вечеру пришла в гости мамина подруга, тетя Хасмик, принесла домашний, только что испеченный лаваш. Верочка за зиму так подросла, что легко могла теперь дотягиваться до нижних ветвей черешни и шелковицы. Она утащила свою порцию в сад и первый раз в жизни залезла на дерево по-настоящему высоко — очень уж захотелось попировать в его кроне, заедая сочные ягоды теплым душистым хлебом. Черешня была хоть и ранняя, но крупная. Верочка ела, с любопытством разглядывая сверху заброшенный соседний участок. Там и сада-то не было — большущая глубокая воронка в земле, несколько чахнувших яблонь и кусты крыжовника, еле видные в зарослях бурьяна и лебеды. На дальнем конце участка стоял приземистый домик с заколоченной досками дверью.

«Дверь заколотили, а в окнах стекол нет совсем, — думала Верочка. — Кто хочешь залезет. Интересно, что там, внутри...»

Через несколько дней она набралась храбрости и отправилась проверить. День был знойный, безоблачный. Над привялыми от жары сорняками кружила оса. Верочка дошла до воронки, опасливо заглянула вниз: ничего особенного, яма как яма, широкая, неровная, заплывшая на дне смытой дождями землей. На самом краю лежал необычный камушек — плоский, гладкий, с дыркой посередине. Верочка подобрала его, протерла, подняла повыше — камень на фоне яркого неба сразу словно почернел, а в круглом отверстии вспыхнуло нежное радужное сияние, и это было очень красиво. Вдруг откуда-то повеяло ледяным ветерком, от которого ноги и руки сразу покрылись мурашками; Верочка поежилась, вспомнила, зачем пришла, быстро сунула камень в карман сарафанчика и побежала к дому.

Внутри оказалось скучно — три маленькие пустые комнаты почти без мебели. Пол в одной кто-то сильно закопал разноцветными красками. Везде толстым слоем лежала пыль. Верочка добросовестно обошла все помещения, заглянула во все углы, однако нашла всего две интересные вещи — настоящий «взрослый» велосипед в чулане и картинку, нарисованную на стекле. Стекло было вставлено во внутреннюю дверь, ведущую из кухни на веранду, и каким-то чудом уцелело, не вылетело вместе с оконными, когда на сад упала бомба. На картинке плыли по синему морю белые пароходы, а вслед за ними бежали по синему небу белые облака. Солнечные лучи, пробивавшиеся с веранды в дом, заставляли краски играть и переливаться — казалось, что и корабли, и облака, и волны действительно движутся, улетают в бесконечную лазурно-золотую даль. Верочка долго стояла, разглядывая удивительную дверь, не обращая больше внимания на обдававший иногда ознобом странный сквозняк.

Камень с дыркой Верочка унесла домой и сначала положила на этажерку в своей комнате, рядом с розовой раковиной и сломанной деревянной безделушкой, но дома он не загорался прозрачной радугой, и она стала забирать его с собой на улицу, то играла с ним, то просто таскала в кармане. Несколько раз возвращалась в заброшенный

ФАНТАСТИКА

дом, чтобы опять посмотреть на картину. Однако вскоре эти вылазки пришлось прекратить, потому что в доме появился жилец. Высокий, худой, сутулый и весь какой-то темный — черный френч, форменная фуражка с черным лаковым козырьком, темные вислые усы. Глаза тоже были темные, без блеска, без искорки, как дырки на лице. Верочка нового соседа побаивалась и видела, что и маме он не нравится. Слышала, как она сказала тете Хасмик:

— Даже чужой могилы не постеснялся. Стервятник.

— Зачем так говоришь? — укоризненно возразила та. — Нехорошо. Он с Пролетарки. Сама знаешь, там все разбомбили. Мертвых не вернешь, а живым надо где-то жить. Полгорода без крыши над головой осталось. Этот дом и так очень долго пустым стоял. Если бы мы не жили на отшибе, до него гораздо раньше добрались бы. Да и могилы там никакой нет... воронка в земле.

— Это же еще хуже, — непонятно ответила мама и спросила, помолчав: — Думаешь, его законно вселили?

— Да, — кивнула тетя Хасмик. — Я узнавала. Все по закону. Участок был признан ничейным — хозяин с войны не вернулся, хозяйка погибла, наследников нет.

Мама вздохнула, покачала головой и больше о новом соседе не разговаривала. Только отворачивалась каждый раз, когда видела, как он едет на работу на том самом велосипеде.

Над городом с утра висели тучи, а после обеда стало совсем темно. В небе загремело и засверкало, и Верочка обрадовалась, что воскресенье и мама дома — без нее было бы очень страшно. А мама торопилась дошить платье и под стрекот швейной машинки и раскаты грома даже не услышала бы, что в дверь стучат, если бы Верочка ей не сказала.

На крыльце стояла женщина, красивая, как артистки в кино. В руках она держала большой фибровый чемодан. Рядом с ней стояла худая голенастая девочка лет девяти и настороженно смотрела на Верочку и ее маму.

— Ну, здравствуй, Нина, — сказала «артистка».

Мама прижала ладонь ко рту, как будто хотела сама себя укутить, и застыла неподвижно. Взрослые стояли, молча глядя друг на друга, а Верочка удивлялась, почему мама не зовет гостей в дом. Она видела, что девочка тоже удивляется и что ей не по себе. И вдруг хлынул дождь — неистовый летний южный ливень. Мама словно опомнилась, распахнула шире дверь, посторонилась.

— Проходите, что ж через порог-то разговаривать. Вон, промокли уже. Пойдемте на кухню, я чайник поставлю. Ты варенье все то же любишь, кизилковое?

— Ты... помнишь? — очень тихо, почти шепотом спросила «артистка».

— Конечно, помню, Люся, — так же тихо и немножко устало сказала мама. — Не только про варенье. Про всё, что мы с тобой любили...

И Верочка с изумлением увидела, как «артистка» вдруг выронила чемодан, обняла маму и расплакалась у нее на плече, как маленькая.

Худую девчонку звали Светкой, а ее маму — тетей Люсьеной. На другой же день после приезда Светкина мама пошла на соседний участок. А Светка с Верочкой залезли на шелковицу и смотрели, как черный человек вышел на веранду и сначала слушал, потом стал говорить сам, все громче и сердитее. А тетя Люсьена заспорила с ним, и тоже все громче. Наконец он начал махать рукой и показывать ей на калитку: «Уходи!» Но она не ушла, а тоже начала махать руками. Тогда он вернулся в дом и захлопнул дверь.

Светкина мама постояла перед крыльцом, пожала плечами и пошла к выходу с участка, все время оглядываясь.

Светка ловко, как кошка, добралась почти до самого конца длинной ветки, прыгнула на землю и побежала навстречу матери. А Верочка осталась на дереве и видела, что черный человек смотрел из-за занавески вслед тете Люсьене.

С появлением приезжих жизнь в доме заметно изменилась. Стали читать по вечерам книжки из библиотеки — тетя Люсьена устроилась туда на работу и все время приносила что-нибудь новое. А еще она любила петь песни и играть в рифмы. Светке оказалось не девять, а десять, осенью она должна была пойти уже в четвертый класс и часто говорила, подражая взрослым: «А вот я помню, до войны...» И всегда после этого рассказывала про что-нибудь хорошее — магазинные витрины с самой разной едой и игрушками, карусели в парке, мороженое пломбир... А еще у Светки до войны был папа. Его фотография стояла в рамке на тумбочке у тети Люсьены, и трогать ее не разрешалось. Только смотреть. Вот они и смотрели иногда. Светкин папа в летном шлеме и комбинезоне широко улыбался, а за спиной у него стоял самолет. «Мой папа был летчик, — объяснила Светка, — он фрицев бомбил за то, что они нас бомбили».

— Мама, а у меня был папа?

— Конечно, был.

— А где он? Почему у нас нет его фотографий?

Верочка напряженно ждала ответа, но мама молчала, старательно заправляя под лапку швейной машинки изношенный шелк довоенной блузки.

— Нина, а правда, почему?

Верочка обернулась. В дверях маминой комнаты стояла тетя Люсьена. Лицо у нее было очень странное — рот улыбается, а глаза хмурятся. За спиной у тети Люсьены топталась Светка.

Мама наконец подняла голову от шитья.

— Потому что мы не успели сняться, — тихо сказала она. — Сначала было не до того, а потом стало поздно.

— Расписаться тоже не успели? — с той же странной улыбкой спросила Светкина мама.

— Люся, угомонись, — по-прежнему тихо попросила мама. — А то я ведь могу и обидеться. Моя личная жизнь никак тебя не касается. Геннадий не поехал вслед за тобой в Ленинград совсем не из-за меня, и ты прекрасно об этом знаешь.

— Знаю, — кивнула Люсьена. — Он женился на этой чертовой пейзажистке. Спасибо, что напомнила.

Верочка ничего не понимала в этом разговоре, кроме одного — фотографий папы нет. У Светки есть, а у нее нет. Она села на пол и демонстративно разревелась — громко, с подвываниями. Мама с упреком посмотрела на Люсьену.

— Довольна? Довела ребенка до истерики? Теперь как хочешь, так сама ее и успокаивай. Ко мне заказчица за

блузкой вот-вот должна прийти, а тут такой вой, хоть из дома беги.

Светкина мама, пожав плечами, взяла Верочку за руку, увела на веранду. Светка с сопением потопала за ними.

Веранду густо оплетали побеги плюща и душистого горошка. На половицах лежали пятна золотисто-зеленого света, пахло цветами и нагретым деревом.

— Верочка, почему ты никогда с нами песни не поешь? — спросила тетя Люсьена, усаживая девочку на плетеный стул. Теперь она улыбалась по-настоящему — и ртом, и глазами.

— Мама говорит, что мне медведь на ухо наступил и что я не пою, а ору, — хмуро призналась Верочка, вытирая ладонями со щек недавние слезы. — И что поэтому мне лучше помолчать.

— Она и про моего мужа так говорила, — засмеялась тетя Люсьена. — А он все равно пел, никого не слушал. Хотя, наверное, лучше бы ему было в самом деле помолчать — потрясающий был красавец, все женщины заглядывались, а вот певец до невозможности плохой... Ну-ка, спой, что знаешь, я послушаю.

Верочка встала, вдохнула поглубже и на выдохе прокричала:

— Я ку-ка-ра! Ча! Я ку-ка-ра! Ча! А я черный таракан!!! — И собиралась петь дальше, но Светкина мама расхохоталась так звонко, что Верочка сбилась и растерянно замолчала.

— Боже, какая прелесть! Таракан ты мой черный! Что ж, Нина права, лучше тебе не петь.

Верочке стало обидно — и от слов тети Люсьены, и особенно — от ее смеха. Она хотела сказать, что никакой она не таракан и вообще не виновата, что у этой песни такие дурацкие слова, а у нее самой черные, вечно спутанные кудряшки, которые по утрам так трудно расчесывать, но тут на веранду вышла мама с большой миской принесенного заказчицей инжира, и тетя Люсьена сразу отвернулась, а Светка запрыгала и захлопала в ладоши. И Верочка промолчала.

А через два дня у мамы был выходной, и они все вместе пошли на пляж. Добирались туда долго — сначала шли мимо соседского забора, потом мимо участка тети Хасмик, потом гуськом спускались вниз по желтой уступчатой тропинке, сбегавшей с вершины холма к его подножию. И уже оттуда дошагали по неширокой улице до трамвайных путей и ехали потом на трамвае почти до самого моря.

Верочка никогда еще не уходила так далеко и только теперь поняла, почему тетя Хасмик сказала, что они живут на отшибе. Ей представился великан, который взял огромный молоток и отшиб кусок земли с их тремя домиками от всего остального города, а потом шулки ради установил его на макушку холма, и теперь взрослым приходится каждый день или карабкаться по тропинке, или долго идти по длинной круговой дороге, чтобы попасть на работу...

Но тут они вышли к пляжу, и Верочка сразу забыла и про великанов, и про все остальное. Потому что море оказалось еще красивее, чем на той картинке, вставленной в дверь. Правда, на нем не было белых пароходов, и облаков в небе в этот день тоже не было — только много-много синего цвета, и золотое сияние на волнах, и узкий серый силуэт сторожевого катера вдалеке. А на берегу лежали разноцветные камушки, и все они были такими же, как тот, что она нашла весной у края воронки, — удивительно гладкими, округлыми, без острых углов, и Верочка сразу начала собирать в подол платья самые красивые, а потом

достала из кармана своей, чтобы сравнить и проверить, как он засияет здесь, на море.

Сбоку просунулась худая мокрая рука, выхватила камень.

— Ух ты! — И Светка со всех ног помчалась к лежавшим на песке женщинам. Верочка побежала за ней.

— Мама, тетя Нина, смотрите! Верочка нашла «куриного бога»!

— Ну-ка, дай-ка. — Мама забрала у Светки дочкину находку. Тетя Люсьена тоже протянула к ней руку, но мама словно не заметила этого. Она разглядывала «куриного бога» на просвет и улыбалась. Светка, глядя на ее улыбку, тоже просияла и так же стремительно понеслась обратно к морю. Тетя Люсьена развернулась к Верочке:

— Черный таракан, отдай мне этот камушек. На удачу. Пожалуйста!

Верочкина мама резко опустила руку, взглянула сердито на подругу. Та мотнула завитыми золотыми локонами, засмеялась — и Верочка снова подумала, что она очень похожа на артисток из кино.

— Нина, не хмурься. Мне правда нужен талисман. Очень хочется чувствовать себя уверенней на суде. И вообще, в мире так много необъяснимого, мы же не знаем, вдруг они действительно помогают? Разве тебе не хочется, чтобы я получила дом обратно? Мы с дочкой вас стесняем и вообще надоели.

— Не говори глупостей, — буркнула мама. — Тебя никто не гонит.

— А мне самой тоже надоело, — все с той же ослепительной киношной улыбкой сообщила тетя Люсьена. — Ютиться то в ленинградской коммуналке, то в семейном бараке для эвакуированных, то вот теперь на птичьих правах у подруги юности. Почему я должна жить по углам у чужих людей, если моя дочь — законная наследница этой хибары?

Верочкина мама оглянулась на Светку, бегавшую наперегонки с волнами у самой кромки прибоя, спросила тихо:

— Геннадий удочерил Свету официально?

— Да, — кивнула тетя Люсьена. — За полтора года до того, как бросил меня ради той чернявой выдры.

— Люся, ну зачем ты так о ней — она же погибла.

— И что? Я должна ей теперь все простить? Эта мазилка малахольная украла у меня мужа!

— Ты украла у меня жениха, однако я не держу на тебя зла.

— Не ври! Не был он тебе женихом! Подумаешь, дружили с детства, это ничего не значит! Все, хватит, не желаю больше об этом говорить! Ты же сама мне сказала тогда, перед моим отъездом в Ленинград, что нам теперь нечего больше делить! Сказала?

— Ну, сказала...

— Вот и не попрекай меня больше! Тем более что все это уже совершенно не важно. Геннадий убит, его больше нет, нет нигде, совсем, навсегда, и какая теперь разница, кто у кого его украл? Остались только факты, строчки в документах. Он удочерил Свету. Он развелся со мной. Завещания нет. В суде дело могут повернуть и так, и этак. Например, признают ее права, но заставят ждать до совершеннолетия. Или вообще оспорят. Этот новый заселенец без борьбы участок не отдаст. Так что удача мне совсем не помешает.

Она снова повернулась к Верочке:

— Ну что, черный таракан, подаришь камушек?

Девочка растерянно взглянула на мать, но та сидела с застывшим лицом, и глаза ее ничего не выражали. Верочке стало не по себе.

— Ну что же ты? — Тетя Люсьена смотрела удивленно. — Неужели ты не хочешь, чтобы у твоей подруги был свой дом? У тебя вот есть дом, а у нее нет. Тебе жалко отдать какой-то камушек, чтобы ей помочь?

Подбежала Светка — вся мокрая, веселая, протянула Верочке зеленый стеклянный окатыш.

— Вер, смотри, что я нашла! Дарю на бусы! А чего ты тут сидишь?! Пошли бегать вместе!

Верочка быстро выхватила у мамы камень с дыркой, передала тете Люсьене:

— Мне не жалко. Забирайте.

Та взяла «куриного бога», подбросила, поймала, сунула в сумку.

— Спасибо, черный таракан! Если я дело выиграю, килограмм конфет тебе за это куплю. Обещаю!

— А килограмм это много? — спросила озадаченная незнакомым словом Верочка.

— Много! — с улыбкой заверила ее тетя Люсьена.

Загадочный килограмм представлялся Верочке в виде мешка — большого, как у Деда Мороза на открытке, и битком набитого конфетами. «Всех тянучками угощу, и еще столько же останется! — мечтала она. — На чердаке их сложим и до весны есть будем, как яблоки».

Тетя Люсьена теперь бывала дома по вечерам очень редко и давно уже не читала Светке и Верочке новых книг — через длинную цепочку приятельниц она сумела познакомиться с лучшим в городе адвокатом и сразу после работы бежала к нему. Возвращалась поздно, пела что-то веселое. Мама, которая вставала рано, слыша это полночное пение, недовольно вздыхала.

В отсутствие тети Люсьены несколько раз приходила тетя Хасмик. Они с мамой брали чайный поднос, уходили на веранду и долго разговаривали там о чем-то вполголоса. Верочка один раз вышла в сад поискать забытый мячик и услышала свое имя. Подобралась к самой веранде, послушала. Но они уже вели разговор о ком-то другом — странный разговор, непонятный.

— Неправильно это, — говорила тетя Хасмик. — Неправедливо. Тот ребенок ему был приемный, а этот — родной.

— Молчи! Ты обещала никому не говорить! — шепотом шипела Верочкина мать.

— А я кому говорю? — обиженно возражала Хасмик. — Чужому человеку говорю? Нет, тебе. А ты и сама все знаешь. Это его родного ребенка дом, почему чужой женщине забрать позволяешь?

— У его родного ребенка дом уже есть.

— Пусть два будет. Что хорошего она тебе сделала, такие подарки дарить? Жениха отбила? Как можешь за ребенка решать? У нее и так отца на войне убили, мать бомбой разорвало...

— У нее теперь новая мать.

— Все равно неправильно.

— Ох, ну что ты заладила — неправильно, неправильно! Не я же домами распоряжаюсь! Он того ребенка усыновил, значит, тоже права есть! Да даже если бы и не было — все равно ведь ничего нельзя сделать, ничего никому нельзя рассказывать! — Мама вдруг заплакала. — Бог с ним, с домом. Пусть забирает.

Разговор прервался. Верочкина мама всхлипывала, тетя Хасмик вздыхала, а Верочка сидела тихо, ждала, что дальше скажут. Ей было ужасно интересно, где же тот ребенок, про которого они говорят? И как это у человека может быть новая мама вместо убитой? Может, тогда и у Светки с Верочкой могут быть новые папы?

— Не понимаю я тебя, — сказала наконец тетя Хасмик. — Зачем скрывать? Ведь не звери кругом. Поймут.

— Люди разные. Одни поймут, другие всю душу вымотают. А главное, ребенок будет знать, что неродной.

Верочка совсем запуталась. То родной, то неродной. Пойми этих взрослых. Ее вдруг опять обдало волной холодного воздуха, совсем как тогда, на заброшенном участке. Она тихо отползла от веранды, вернулась в дом.

А ночью ей приснился сон, очень похожий на картинку из соседского дома. Белые облака бежали по синему небу за плывущими по синим волнам белыми пароходами, а вдоль кромки прибоя шли двое — высокий красивый мужчина и милая молодая женщина с черными кудрявыми волосами. Они держались за руки, смеялись, шлепали по воде. Мужчина вдруг наклонился и поднял с песка плоский камушек с дыркой. Женщина забрала его и, смеясь, стала смотреть сквозь просвет на своего спутника, море, корабли, облака... А потом вдруг мужчина исчез, а одно облако превратилось в самолет со Светкиной фотографии и стало с воем падать в море, волоча за собой полосу черного дыма... и это было так страшно, что Верочка проснулась и долго лежала, слушая быстрый стук собственного сердца и доносившееся с маминой постели ровное сонное дыхание.

— Нина! Я выиграла дело! Нина! Девчонки! Вы слышите?!

Тетя Люсьена переходила из комнаты в комнату, повторяя одно и то же, останавливалась, кружилась на одном месте, счастливо смеясь. Увидела выбежавших с веранды Светку и Верочку, ухватила, закружила и их тоже.

— Я выиграла дело! Дом наш! Светланка, у нас теперь есть свой собственный дом! Нина, ну что же ты нас не поздравляешь? Не рада?

Мама подошла, обняла Светку и тетю Люсьену:

— Рада, разумеется! Поздравляю.

— Спасибо! Теперь только дожидаться, когда этот бирюк соизволит убраться, и можно устраивать новоселье! Нина, Нина, какой же сегодня прекрасный день!

Она весело потрепала Верочку по темным кудряшкам:

— Черный таракан, а ты чего насупилась? — И вдруг застыла на месте, хлопнула себя по лбу. — Ох, я же чуть не забыла... — Метнулась в прихожую и через секунду вернулась с увесистым кулком из плотной синей бумаги, протянула его Верочке. — Держи. Ириски-тянучки. Ты же любишь тянучки?

— Люблю... — растерянно ответила Верочка. — А это что, килограмм?

— Ровно килограмм! — засмеялась тетя Люсьена. — Не сомневайся!

Анесколько дней спустя все они стояли у забора и наблюдали, как уезжает черный человек. Мама давно объяснила Верочке, что его одежда — это просто форма, которую носят все железнодорожники, и бывший сосед уже не казался ей страшным, только мрачным, как старый нахохлившийся ворон. За время жизни в доме тети Люсьены он успел купить кое-какую мебель, и теперь ее грузили в кузов довоенного ЗИСа двое мальчишек-подростков под присмотром женщины-водителя. Когда все было погружено, мальчишки запрыгнули следом, грузовик зафырчал и поехал вниз по вившейся вокруг холма дороге. Черный человек, подчеркнуто не обращая внимания на смотрящих на него соседок, медленно обошел вокруг дома.

— Нельзя ли побыстрее?! — закричала вдруг тетя Люсьена. — Сколько можно время тянуть? Мы и так заждались!

Черный человек вскинул голову, посмотрел на нее в упор. Ничего не ответил, поднялся со двора на веранду, скрылся внутри кухни и вскоре появился на крыльце с другой стороны дома. Не торопясь снес по ступенькам велосипед, вывел его за калитку, сел и поехал по дороге следом за грузовиком.

— Не побрезговал, — неодобрительно заметила мама, когда он скрылся из виду.

— Да ну его, — отмахнулась тетя Люсьена, уже направившаяся к выходу из сада. — Не драться же мне с ним из-за этого велосипеда! Истукан чертов, даже не обернулся ни разу. — Она нетерпеливо потянула Верочкину маму за руку. — Нина, ну пойдём же, пойдём же скорее!

Женщины заторопились к калитке, девочки побежали за ними.

— Покажешь мне ту картинку? — громко спросила на ходу Светка.

— Какую картинку? — быстро наклонилась к Верочке тетя Люсьена и сразу же повернулась к маме. — Нина, там что, остались картины этой дряни?

— Не знаю, — растерянно ответила та. — Когда я была там последний раз, никаких картин не видела...

— А когда ты была там последний раз? — прищурилась тетя Люсьена.

Верочкина мама вдруг покраснела так сильно, что стала похожей на помидор.

— Сразу после... после той бомбежки, — запинаясь, сказала она.

— Понятно, — кивнула Люсьена. — И зачем тебя туда понесло? А, ладно, не мое дело. Если ты что и взяла, дом тогда еще не мой был. — Она легко взбежала на крыльцо, распахнула дверь. — Вера, иди-ка, покажи, где картинка!

Верочка повела всех к заветной двери.

Они долго стояли в пустой кухне, глядя на расписанное чистыми сияющими красками стекло.

— Как краси-и-иво... — тихо протянула наконец Светка.

— Да, — поддержала Верочкина мама. — Странно, что я не помню этой картины. Замечательный морской пейзаж. Как хорошо, что хоть что-то уцелело. У нее определенно был талант.

Тетя Люсьена словно очнулась от сна.

— Талант?! Ну уж нет! — Резким движением она схватила стоявшую возле железной печки кочергу, размахнулась и со всей силы ударила по застекленной двери.

Секунду Верочка молча в оцепенении смотрела на квадратную дыру с зубчатыми осколками по краям и усыпанный сине-белой стеклянной крошкой пол. А потом с диким, яростным криком бросилась на тетю Люсьену с кулаками.

До самого вечера Верочка стояла в углу, а мама тем временем убирала дом после гостей. Закончив уборку, посмотрела на ковырявшую штукатурку дочь, сказала ворчливым, совсем не сердитым голосом:

— Ну, хватит с тебя. Иди ужинать. И завтра чтобы извинилась, слышишь?

И протянула на ладони забытый Люсьеной и найденный во время уборки гладкий, обкатанный морем камень с дыркой посередине.

После ужина вместе перенесли Верочкины вещи из маминной спальни в детскую. Теперь у Верочки снова была своя комната. Она долго не могла уснуть, заново привыкая и к тени от большого дерева на стене над кроватью, и к коврику с оленями, и к этажерке в углу, позади изголовья. Из открытой двери падал свет — мама специально не закрыла ее, чтобы Верочке не было страшно одной в темноте. Все было совсем как раньше.

Наконец Верочка уснула, сжимая в кулаке «куриного бога». И пока она крепко спала, улыбаясь хороводу светлых скользящих образов, на окне под взмахами невидимой кисти медленно проступали очертания волн, пароходов, облаков и сидящей на берегу девушки с кудрявыми темными волосами.

К утру картина была закончена.

